

Михаил Дьячков

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Рассказы и стихотворения

Колывань
2012

О себе

Родился я 25 октября 1933 года. В школе учился очень мало, так как шла Вторая Мировая война. Окончил всего 1-й и половину 2-го класса. Дальше учиться было некогда, ведь в то суровое время надо было работать. Работал в животноводстве.

В 1951 году окончил 4 класса вечерней школы и заболел бруцеллезом, три года лечился, был инвалидом 2-ой группы, потом вылечился. Продолжал работать, вступил в комсомол, заведовал местной стенгазетой, в которой помещал стихи, в основном на злобу дня, потом и для художественной самодеятельности. Между делом продолжал учиться в школе рабочей молодежи и так в общей сложности окончил 6 классов. С 1960 года член КПСС.

Выйдя на пенсию, к поэзии приступил вплотную. Пишу для себя, для души. Пока был на пенсии, перенес несколько операций. В настоящее время инвалид 1-ой группы 3-ей степени по ОРЗ (общее раковое заболевание). От скуки и безысходности пишу, и буду писать, пока жив.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

В детстве, а потом и в юношестве, мы не раз слышали рассказы нашей бабушки, матери нашей матери. А рассказывать она умела. Наша бабушка была ровесницей Ленина Владимира Ильича, и много помнила. Прожила бабушка 92 года, ограждая маленького правнука, последнего из правнуков, которых у нее было около двадцати. Сломала ногу в бедре, и врач заявил, кость не срастется — травма очень большая, ампутация невозможна. Так и умерла бабушка. А то могла бы жить да жить, здоровье у нее было отменное. Соседи называли ее Матрена Васильевна, а мы — просто бабушка. Родилась бабушка в Тамбовской губернии, в деревне Казинка, в ста верстах от Москвы. А для нас все было интересно, какая раньше была у них жизнь.

Наречие у бабушки было чисто тамбовское, да и быт сильно отличался от нашего. Говорила бабушка так, что в большинстве ее слов место «е» занимала «я», а на конце часто был мягкий знак. А если писали письмо, то больше пол страницы занимали поклоны. Каждое письмо так и начиналось: «Здравствуйте, мои родные. Передаю вам всем поклоны...» и дальше поименно: Мане поклон, Ване поклон, Тане поклон, Лене поклон и так, пока всех не перечислит поклоном.

В названиях кухонной утвари также были различия. Так ухват назывался «рогач», сковородник - «чапли», а противень - «лист». Одежда тоже называлась по-своему. Пальто, вязанное из толстой шерстяной нити, с округлым большим воротником, который, если откинут, то закрывал не только плечи, но и часть спины, называли «азям». Пидчак - «костюм», а кушак - «опояска».

Немало рассказывала бабушка о барщине. «Барин был строгий, но справедливый. Если у кого была беда, то помогал, не отказывал. У одного изба сгорела, молния попала под стрех, и загорелось. Да так сильно, что и потушить не могли, так изба и сгорела. Мужик к барину, барин дал лесу на избу, полмесяца сроку. Мужик три недели на барщину не ходил —

избу ставил, а вечерами и по воскресениям соседи помогали. А вот ленивых и мазуриков не любил. (Так она называла мелких воришек - «мазурики»).

Поймають мазурика, так отстягають плетьми, что потом он долго ня мог ня сидеть, ня лежать. Ленивым тоже попадало, чтоб работали. Это он умел делать.

А так утром едет глашатай по улице и кричит: «Подымайтесь на работу!» И люди шли пахать, сеять на барских полях, и так до пяти дней в неделю. А когда же на себя работать? А на себя суббота до ночи, и все, хорошо, если старики еще крепкие, их-то барин не трогал. Но на посевную, на покос и на уборку давал еще по одному дню. Четыре дня на барина, а остальное на себя. Уж и барщина была отменена, а в селах «Расеи» так и работали на барина.

А как же барин был хозяин на селе. У няво и закон, и стражники, все от няго зависело. Но работных людей он в обиду ня давал. И денежку платил за работу. Сам бога почитал и за обслугой глядел, чтобы жили по-божески. Да, богу молились усердно».

Мы спрашивали: бабушка, а тебя тоже барин бил?

«Да, попадало плеткой от яво стражников. Надо было снопы вязать, а мы, глупые, на речку, купаться. Ну, стражники нас и нашли да барину доложили. Барин и присудил пятнадцать плетей каждой.

За мою жизнь всякого насмотрелась. Я еще маленькой была, когда эта беда случилась. Год выдался плохой, все лето дождей не было. И остались мы без хлеба. Тут барин и попросил помощи у царя для спасения села. Царь прислал обоз кукурузы. А девки молодые глупые на вечерке спели: «Царь наш кутузый, накормил нас кукурузой!» А на утро, батюшки свет, понаехали стражники, согнали все село. И на глазах у всех семь девушек повесили в назидание другим, чтобы не пели песни про царя. Много людей тогда обиделось на барина. Он это почувствовал, после этого он как бы добрее стал, и людей шибко не няволил, не обижал. По селам всякие слухи ходили, кто совсем становился ня имущим, уходили в батраки, а большинство уезжали. Барин покупал у них земли

за бесценок, а что поделаешь, если другие купить не могут.

Так и мы поехали, продали все, что можно было продать, и поехали. Наступил уже 1914 год, ехали с остановками. Мы в дороге были, когда война началась с «ерманцем». Вот и приехали в Карасево. А тута земли, и ня какой смуты. Все село было поделено на улицы: улица Тамбов, Рязань, хлысты тут и чалдоны, и кого только не было. Как у нас говорили: «Наехало гостей со всех волостей». Так и жили, тут молодые женились, сватали с других улиц, ня чаво — жили.

Одна наша вышла в замуж за рязанского, и ушла в их семью. А свякровь такая властная была, весь дом содержала в своей власти. Тут же сноху загрузила работой. И была у ней привычка, при каждой фразе говорила: «на, матушка моя». Сама не сидела без дела и другим не давала сидеть, хотя чистотой не блистала.

Посылает сноху в погреб: «На, матушка моя, возьми блюдо (так она называла большую чашку), набери груздей, пирогов напечем». Сноха быстро принесла соленых груздей, помыла их и давай резать. Смотрить, а грибы червивые, она давай червей выбирать. А свекровь увидела: «На, матушка моя, чаво ты там копаешься?» А сноха «Маманя, тут черви» Свекровь: «На, матушка моя, чаво они тебе, черви-то груздяные, режь грибы, тесто ня ждеть!»

Долго она привыкала к их жизни. А так жили мирно, вместе и в поле ездили, и гуляли все вместе. Пока не началась смена власти. Тут уж нагладелись всякого. Как начали наезжать то «белые», то «красные», то «зеленые», и все со своей властью, и все бяруть, кто поросенка, кто овцу, и все тащать.

И прямо на улице война была. Вечером наехали «белые», разошлись по избам, а к утру - «красные». Как начали стрелять, страшно было, того и гляди убьют.

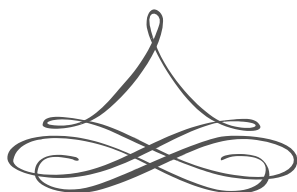
А я утром начала завтрак готовить, а у меня соль кончилась. Я накрылась шалью, и бягу к соседям, соли попросить..., а на улице пальба со всех сторон, пули так и лятят. А я прыгнулась, бягу, забяжала к соседям, а дома ня кого, а на печке самогонка гонится... я взяла ложку

деревянную. Подставила, набяжала, я покушала — крепкая, я еще одну ложку, а сосед из-под кровати: «Тетка Матрена, ты бы пригнулась!» Я так напугалась, чуть ложку из рук не выронила. Спрашиваю: «Чаво это ты под кровать залез?» А он: «Так стреляют, вон у меня окно разбили..Тут по няволе спрячешься» - «А где же твои жена и дочь?» - «В голбице. Это чаво такое делается, что и на улицу выйти нельзя?»

Тут на улице закричали «Ура!». Я выглянула в окно, со всех сторон бежали «красные». А «белые» из окон выскакивали в одних подштанниках. А когда пленных взяли, один сказал нашей соседке: «А ты, бабушка, обманула, ты же сказала, что «красных» нету». А она: «Я и сказала, что нету. Они только утром появились».

Жалко было убиенных, «белые» или «красные», а все одно — люди. А воюють, и чаво воюють, убивають друг друга. Чаво они делять? Земли много, работай не лянись! Это в «Расее» земли мало, а тут вона сколько.»

Немало бабушка знала и всяких заговоров. Она и простуду лечила, и зубную боль могла унять. А от сглаза даже потери как-то угадывала. Нередко к бабушке обращались поворожить о разлуке или другой беде. Сама она никогда не пользовалась медикаментами и не обращалась в больницу.. если заболит, то отвары и всевозможные припарки ее вылечивали. Мы сами видели, как она натирала чесноком виски. Сахар песок не признавала, предпочитала кусковой. А чай пила только заваренные травы. Ела нормально, не отсутствие аппетита не жаловалась. По жизни нам не мешала до самой смерти.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ 2

*(Памяти моей матери, Дьячковой Евдокии Павловны,
родившейся в 1903 году, 19 августа)*

Нет памяти, не забываемой во веки,
Как память о любимом человеке.

Я часто вспоминаю рассказы моей матери о жизни ее юности в «Расее». Так она выражала свое тамбовское наречие. Работали дни напролет, но по воскресеньям отдыхали, ходили в церковь на заутреню, а потом домой. А дома стряпали и блины, и калачи, и куренки — так она называла ватрушки.

Ходили и на игрища. А уж в праздники наряжались во все новое, нарядное. Девки наряжались в платочки яркие, цветастые. «Стоять на площади, цвятуть». Щеки румяные, как яблочки, а парни ходят, любуются, подойдут к Анютке, дивуются: «Ой, Анютка! Да в новых лаптях!» А Анютка смеется, цвятеть. Она у нас была пявунья, плясунья. Как пойдешь плясать, всех перепляшет. А как песни пела, как колокольчик звянуть!

Бедовая была, а вышла взамуж. Чавой-то заболела, и детей только троечко и было. Надо бы еще родить, а не могла.

А большие, пристольные праздники праздновали все. На Рождество всегда ходили по домам и славили Христа. Придешь к кому-нибудь, споешь «Рождество твое Хрести боже нас», а хозяин с хозяйкой и стряпушек дадут, и копеечку. Не зря ходила пословица «Рождество — отдай копейку ни за что». А я один раз к богатым зашла первая, так хозяин мне леденцов дал и пять копеек. Даже отец меня похвалил. Один раз отец на вечерне перед Рождеством похвалился: «Кто первый завтра придет славить, тому десять копеек дам». И утром, мы еще спали, один парень прибежал к нам с другого конца села почти босой. Ну, что ж, уговор дороже денег, отец отдал ему десять копеек. Мы спрашивали мать: а что можно купить на десять копеек? Мать отвечала как, что чайнушку вина можно купить. Так она называла водку.

А на святки собирались в какую-нибудь избу и песни пели, и ворожили, и в игры играли. Бывалочи вечером просишься на посиделки, а маманя не пускает: нечего без дела ходить, а хочешь идти, вот прялка, напрядешь два поломотка пряжи, а так ходить — только время тратить. И ходили с прялками на вечерки. А как же, ходили-то во всем свойском, купленное только на праздники одевали, ну и на посиделки. Это сейчас во всем новом, купленном, а раньше — нет, и штанов девки не надевали, если девка оденет штаны, засмеют и прогонят с игрищ. «Но мама, зимой холодно! - Одевайся теплее». Когда холодно, по семь юбок одевали: снизу старые, сверху новую, а когда садишься, чтобы новую юбку не помять и не марать, так новую подымаешь, а на старую сядешь. А как же, новое надо блюсти.

Жили мы в Тамбовской губернии, сто верст от Москвы.

Трудно было, земли мало, а дров совсем не было. Топили печь кизяками да соломой. Дыму много, а жару мало. Но когда стряпать или хлеб печь, тут уже соломы не жалели. Утром рано встанешь, соломы в избу натащишь, пучки вяжешь и в печь. Но разве соломой печь натопишь? Натапливали, по восемнадцать фунтов хлеб выпекали, но как бы, ни было, а дрова, конечно, лучше. А лес был только у барина, но барин лес пилить не давал. Случалось, ездили мужики ночью воровать дрова. Но это большой риск, если поймают, то запорят до смерти, чтоб другим неповадно было.

Но простые крестьяне жили дружно, и оказывали друг другу посильную помощь. Сосед задумал баню отлить, собрал помощь. И мы, маленькие, помогали. Две широких доски, прижатые кольями, а между ними кладут солому да льют жидкую глину. А мы, девчонки, бегаем по соломе между досок, утаптываем солому пока глина не станет густой. Так за пять дней баня была отлита.

Нас в семье было семеро детей, у меня четыре брата и две сестры.

Тяжело было жить, хлеба еле хватало до нового. А когда неурожай, то и хлеб был не досыта. А тут слух прошел, что в Сибири земли много, и почти бесплатно. Ну и засобирались

мужики на вольные земли. Было это в 1914 году. Продал отец землю, избу, корову. Корову продал за два рубля пятьдесят копеек золотом. Мне было 11 лет, и я помню, зашел к нам в избу мужик, достал бумажник, вытащил оттуда пятерку, достал блестящие ножницы, отрезал половинку и отдал отцу.

А утром собрались, посадил нас отец на бричку пароконною, тут мы и услышали, как спереди обоза кто-то закричал: «Поехали!» Отец зашел спереди, перекрестился на избу и сел в бричку. Ехали долго, целых полгода. Нас в дороге и война застала. Отец денежки берег, а есть-то надо. Вот едем-едем, остановимся в селе, подработаем и дальше. Так и приехали в село Карасево Черепановского уезда, село большое, девятьсот дворов. А в селе наших, тамбовских целая улица. Купил отец избу на самом краю улицы, и стали нас называть Краюшкины. Но мы традиций российских не бросали, соблюдали посты, ходили в церковь, а мой брат в церкви на крылесе пел. Голос у него был сильный, вот его и заметили.

А нам интересно, как это девки зимой без штанов ходили. И не поддувало? Нет, юбки длинные. А парни не смеялись? Только дураки смеются, а наши парни наоборот хвалили за бережливость. А уж на Масленку гуляли, и на конях катались, и бои кулачные смотрели, и песни пели, и плясали. Всю неделю праздновали, а в первый день все блины пекли. И было на Масленку одно поверье: как только мама первый блин испечет, и если есть в избе девка на выданье, так эта девка берет блин и на улицу, и кто из мужчин первый встретится, так и будет суженного звать. А у нас соседская дочка просватана была, а все по привычке схватила блин и на улицу выскочила. Смотрить, а навстречу ее жених идет, увидел, что его невеста с блином встречается, смеется, понравилась ему эта встреча. А она растерялась, не знает, что сказать жениху.

А мы не терпим, спрашиваем: «Мам, а ты тоже выходила с блином?» - «А как же, выходила, вот и вышла в замуж за вашего отца.»

«Мам, а в замуж ты выходила в лаптях?» А мать смеется:

«Нет, у меня сапожки были».

Это в Расее бедновато жили, а в Карасево поправились. Земли много, работай не ленись. А на вербное воскресенье с утра пекли жаворонков, и тогда по всему селу слышались голоса подростков со всех сторон: зазывали весну. Выйдут подростки на крыльцо с печеными жаворонками, и кричать: «Жавороночки-перепелочки, прилетите к нам, принесите нам весну красну, зелен покос!»

А утром воздух чистый, прозрачный, и как бы звенит вместе с голосами. А после Масленки был пост Великий, от семи и до девяти недель.

«Это в пост вы всегда постное ели?» - «Ну это не совсем так. Масло постное и рыба, хлеб, овощи, соленья, варенье — все шло в пищу. Не ели только скоромное: мясо, сало, масло сливочное, молоко, яйца — этого есть в пост нельзя, грех большой. И так до Пасхи. Зато на Пасху всякая еда была на столе».

В субботу вечером уходили кто свободный на всюнощную в церковь. А утром в церкви святили пасху. Один раз, послали младшего брата Ваньку в церковь пасху святить. Вот он зашел в церковь, встал в ряд с другими, развернул узелок с куличом, и стоять, смотреть. Батюшка проходить вдоль рядов и кропить кистью, окуная ее в святую воду. А Ванька смотреть, как батюшка кропить. Прошел батюшка, а на Ванькин кулич не попал, Ванька завернул кулич, и на церковный двор. Там тоже с куличами стоять, и он встал. Батюшка прошел, по кропил святой водой, и опять на кулич не попало ни капли. Приходить домой, кулич на стол, а сам сердитый. Мама спрашивает: «Освятил пасху?» А он сердито: «Освятил! Хошь ешь, хошь смотри!» Мама еле успокоила его, говоря, что главное — молитва, а не святая вода, но он-то этого не знал. Потом разговлялись: ели кулич, яйца крашеные, мужики пили вино, а мы шли играть на бугорок. Набирали с собой яйца и катали с бугорка. Чье яйцо разобьется, тот и проиграл. Я по подолу яиц приносила.

Но после Пасхи работали вдвойне. Можно сказать, от зари до зари, часов не имели. Работа была и дома, и в поле. Надо

было пахать, боронить, сеять. И огород садить, со скотом управиться. Так вот и жили, кто работал, у того было все. Не зря поговорка говорит: «Кто рано встает, тому и бог дает».

А нам все интересно, и мы спрашивали: «Мам, а ты в змуж рано вышла?» - «Семнадцати лет, ведь у нас первые две девочки умерли, а потом уж вы родились.»

«Мам, а революция у вас была?» - «Революция везде была. У нас собралась молодежь в Черепаново с «белыми» воевать. Пошли, кто с ружьем, кто с топором, а кто с вилами. А у «белых» пушки, пулеметы, ну и дали им, что они бежали оттуда, а потом прятались в сограх да буераках. Потом к нам пришел отряд Аненко. Все село собрал, пытал, кто за «красных». Много людей погубил.

Было у нас в Карасево у одних два брата двойняшки, один был гармонист, а второй плясун. Хорошие были ребята. Но один богач указал на них, что они за «красных», схватили их и на площадь, все село согнали, а их к стене церковной поставили на расстрел. А тот, что плясал, говорит: «Люди добрые, дайте мне перед смертью сплясать!» А брат его попросил гармонь. Принесли гармошку, и брат играл, а он плясал, и так плясал, что весь народ плакал: и бабы, и мужики. Выплясался, потом встал возле брата, положил ладонь на грудь и сказал: «Стреляйте!» Так и застрелили их у церкви, а потом хотели село поджечь, да батюшка отстоял. Но зато не мало людей испытали жестокость «Аненко». Он живых закапывал в землю по шею, а у женщин у живых вырезал груди, много людей повешал. Но потом перед рассветом пришли «красные» и многих перебили, каких в плен взяли, взяли и самого Аненко, потом судили народным судом. Он сначала отказывался, что это ошибка и что он подневольный солдат. Но было много свидетелей, очевидцев, и все указывали на него. Судья спрашивал: этот ли человек Аненко? И все говорили: он, это он, серая рубашка. Тогда он хотел откупиться, говорил: «Отпусти меня, я дам бочку золота и целый полк одену и обую».

Но его все равно расстреляли, а братьев так на бугре и похоронили в братской могиле. Так и стоит та могила у

дороги, а на ней памятник. Проезжают люди спрашивают, кто тут похоронен? Старые помнят, а молодые и не скажут.

«Мам, а «красные» не обижали?» - «Нет, но коней хороших забрали, а взамен оставили со сбитыми ногами. В этот год и посевов мало было, пахать не на чем было. А тут еще продразверстка. Ну себе-то хлеба оставляли, а на самогонку не было. Да и самогонки гнать не давали. В один дом мицанер с понатыми зашли, да тоже там один доказал: она гонить. Они берут молоток, дают хозяйке: бей чугуна. Она стоит и молотком чуть задевает по чугуну — жалко. Тогда мицанер плеткой как ожжет по спине, она как взвизгнет, и чугуна уж не жалела.»

«Мам, а колхозы когда пошли?» - «В двадцать восьмом у нас, а до этого единолично жили. Кое-где коммуны были, а у нас не было. А когда колхозы пошли, землю стали обрывать, огороды оставляли, а на полях вся в колхоз шла. Лошадей тоже забрали и коров лишних, оставили одну корову и все. Тут по неволе в колхоз пойдешь»

Много знала мать о той жизни, хоть и была не грамотной, но помнила много: и как в «Расее» жили, и как в Сибири.

СТУКАЧ

Рассказ.

Стукач... - это человек, по воровским понятиям очень нехороший. В преступном мире на блатном жаргоне, его как предателя презирают, называя его квелая редиска.

А ведь раньше – в старину, стукач являлся, уважаемым на селе человеком. Иными словами, стукачом называли... человека, охраняющего ночами сон и покой как жителей села, а за одно живность, добро и жилища. От посягательства вора, разбойного набега и от хищника.

В селах стукачей нанимали, и платили по договору. А в малых деревнях стукачи составляли очередь от каждой избы, и по очереди каждую ночь кто-то дежурил. Ходил по улице и стучал в «стукалку», специальное для этого приспособление, сделанное из двух досточек, с языком между ними, который свободно ходил на шарнире, и при встряхивании он ударялся о досточки, производя стучащий громкий звук.

И жители, слыша этот стук, знали, что на дворе все спокойно.

Стучал стукач не часто, так встряхнет, раз другой и идет дальше, чтобы не тревожить без дела народ, а люди продолжали свой отдых, который им так необходим после трудового дня. Ведь весь крестьянский труд был ручным, да на конной тяге и люди уставали физически.

Поэтому крестьяне и почитали сторожа–стукача охраняющего их покой вместе с их добром.

И стукач, как его называли, не раз оправдывал свое звание и доверие людей, предотвращая такие беды, как набег или не дай бог пожар, который был страшен в ночное время особенно в тех селах, где крыши изб крыли соломой.

Так ночами, когда все спят, ходил такой человек по улице, время от времени встряхивая свою стукалку. А если завидит беду, то так застучит да закричит, что все село поднимется. Будь то набег или пожар. Вставайте люди добрые, беда идет. И вставали люди, они-то знали, что понапрасну стукач не будет стучать, тревожить народ.

А на беду, набег или пожар поднимались люди и бежали на выручку друг другу.

В те времена ни кто не был застрахован от беды. Кто знает, а вдруг да завтра с ним, с его домом или хозяйством что случится.

А если, не дай бог, пожар да с ветром, все село стгорит.

И народы села жили дружно, потому что знали, что без взаимовыручки не проживешь.

А что бы и нам? Не вспомнить такой вот старинный крестьянский уклад жизни. Вон в городах вновь возрождаются народные дружины, в помощь милиции.

А на селе такой вот сторож стукач был бы не лишний. Не зря говорят, что все новое – это хорошо забытое старое.

Что греха таить, воровство в селах нет-нет, да и проявится.

То скотина пропадет, то лошадь уведут, крадут и то, что по мнению воров плохо лежит. А то и в дом заберутся. А со сторожем может такого и не было бы, а если и было бы, то не в таких масштабах.

Нет, не зря в старину были стукачи-охранники.

Уважаемые на селе люди!

ГАДАНИЯ

(сказка)

Гадания бывают интересны
И безобидные, как люди говорят.
Но нам не все гадания известны,
Порой, не знают люди, что творят.

А злые люди иногда гадают,
Чтобы другим устроить вред и зло,
И день, и ночь об этом лишь мечтают,
Да чтоб ему по жизни не везло.

Другие, не гнушаясь силы темной,
Готовые нечистым душу сдать,
За то, чтоб обладать девицей скромной,
Потом ее терзать да истязать.

А то, задумают о власти абсолютной,
Хотя живут в своем мирке убогом,
Мечтают жить в роскошности уютной,
Быть на земле властителем и богом.

И, забывая святость, честь и совесть,
Лишь только им бы было хорошо...
Я не хотел писать такую повесть,
Но человека нет, он в никуда ушел.

А было так: зажиточный крестьянин,
Об, этом повествую добрым людям,,
Он жил не плохо, как простой селянин,
А возмечтал о золоте на блюде.

О власти, что не каждому дается,
И он об этом думал день и ночь.
Пусть даже с чертом встретиться придется,
Который в этом деле мог помочь.

И вот на святки, в пору всех гаданий,
Сидит он как-то вечером один.

Сыны и дочери ушли на час свиданий.
К нему зашел богатый господин.

Хозяин встретил гостя деловито,
На стол поставил самовар и снедь,
А сам не разговорчивый, сердитый.
Любой бы понял, если посмотреть.

А гость попал веселый, говорливый,
К хозяину все чаще пристаёт:
«Чего-то ты, хозяин, молчаливый,
Что в жизни у тебя не достает?

Живешь не бедно. Что еще желаешь?
Может еще богаче хочешь жить?»
«Земли вот маловато, понимаешь?
И денег мало, не на что купить.

А то купил бы все село с домами,
Чтоб чернеть вся трудилась на меня,
Да люди шли ко мне с поклоном сами,
И не было б им роздыха ни дня.

Хочу здороваться с помещиком на равных,
В роскошном тарантасе разъезжать,
А в городах, среди вельмож заглавных,
Никто не мог мне против возражать.

Чтоб запрягали в тарантас четверку,
А не простого захудалого коня;
Свой банк иметь, а не карманную пятерку;
Чтоб весь народ работал на меня.

Вот так бы я хотел пожить на свете,
И не в избе, а в тереме большом,
Чтоб за границей у меня учились дети,
Не бедствовали, гоняясь за грошом».

«А не надсадишься? Потянешь ли такое?
Такая жизнь не каждому дана.
Рискованно и тяжело, не скрою,
Хотя село — не целая страна.

Я научу тебя, но сможешь ли решиться?
Чуть струсил, и расстанешься с душой».
«Да мне бы лишь богатствами разжиться,
А что душа, не маленький — большой.

И без души живут на свете люди,
Об этом все давно уж говорят.
А кушают на золоченом блюде,
А сами беззаконие творят.

Невинного соседа осудили.
Он хлев помещика поджечь не мог.
Мы вместе с ним на поле хлеб косили,
Когда заметил он над крышею дымок.

И первый поднял он тревогу о пожаре.
Судья его же в яму посадил.
Пока пожарные копались в дымном жаре,
Он там спасал животных, выводил.

И вот теперь за эти все деянья
Сидит он в яме. А за что сидит?
И не дают с ним матери свиданья.
Судья же говорит, что он бандит.

Так что давай, советуй если знаешь,
Что сделать, чтобы мне богато жить.
А без души жить можно, понимаешь?
Живут же люди, нечего тужить.»

«Да, крепко ты задумался, хозяин.
А, может, если смелый, повезет.
Видать, и вправду хочешь жить, как барин,
Тогда совет мой точно подойдет.

И ты послушай моего совета,
Да никого о нем не извещай,
Не то проститься можешь с белым светом,
И никого своих не навещай.

Гаданье это очень не простое.
О нем вообще никто не должен знать,
А то оно окажется пустое,
И будешь ты нужду из дома гнать.

Сейчас по времени проходят святки,
Гаданию как раз идет черед,
Пускай шулюкины поют колядки,
А мы гаданье пустим в оборот.

Я тоже жил не важно, бедновато.
Спасибо, путник научил меня.
Теперь доволен и живу богато,
Купил недавно доброго коня.

Ну, вот теперь запоминай надежно:
Как только полуночи ты дождешь,
Ты соберись потише, сколько можно,
В глубокой тайне из дому уйдешь.

Возьми буханку хлебушка ржаного
Да заверни в нестиранный рушник,
Ружье, заряженное крупной дробью строго,
И чтоб никто не видел этот миг.

Из дома ты пойдешь по той дороге,
Которая на запад от села.
Перекрестись сначала на пороге.
И чтоб дорога вся пустой была.

Когда же подойдешь ты к перекрестку,
Три раза перекресток обойди,
Потом рукой снежку зацепишь горстку,
И с этим снегом семь шагов пройди.

Затем ты этот снег зажми в ладони,
Да выбрось через левое плечо.
Если услышишь, где-то скачут кони,
То значит скоро будет горяче.

Хлеб разверни, сожми его сильнее,
Потом на перекресток опусти,
Да отступи, прицелься поточнее,
По хлебу у ружья курок спусти.

Ружье отбрось, и тут же без оглядки
Скорее с перекрестка уходи.
Такие у гадания порядки,
А главное, не оглянись, гляди.

Все сделаешь, вернешься ты до хаты.
Премудрости всей жизни обретешь,
И заживешь уверенно, богато,
Что силой и умом ты подрастешь.

Знать будешь все не хуже кхеромана,
Где что купить, потом опять продать,
И ты не прогоришь, не будет и обмана,
Другие только будут прогорать.

Ну как, готов? Гляди-ка, скоро полночь.
А мне пора до петухов успеть.
Я оказал тебе советом помощь,
Теперь в другое место мне лететь».

И гость ушел, как будто растворился.
Хозяин начал собираться в путь,
Забегал по углам, заторопился,
Чтоб дома не увидел кто-нибудь.

Скорей-скорей собрался, и в дорогу,
Пока один он дома пребывал.
Все захватил с собою по-немногу
Успеть, чтобы никто о том не знал.

Он вышел на широкую дорогу,
Да огляделся: нету никого.
«Ну, пусто, кажется, и слава богу.
Я сделаю гаданье ничего!»

Пришел на перекресток. В поле тихо.
Он сделал все, как гость его учил.
Снег зацепил рукою шустро, лихо,
Даже успокоенье получил.

Хлеб развернул, положил на дорогу,
Потом он недалеко отступил,
И снял с плеча ружье, предчувствуя тревогу.
К задаче он последней приступил.

Прищурился и выстрелил по хлебу.
В дыму пороховом услышал стон,
Когда же взор свой обратил он к небу,
Тут дым рассеялся, и что же видит он?

Он ничего не понимал вначале,
И лишь потом он начал понимать:
Там вместо хлеба в горе и печали
Стояла раненая в сердце божья мать!

А он с ружьем, и ноги онемели,
Язык отнялся, слова не сказать.
Качалось тело, словно на качели,
А на глаза туман стал наползать.

И, ничего не видя и не слыша,
Стоит, как деревянный истукан;
Потом он еле с перекрестка вышел,
Как будто он ногой попал в капкан.

Так, по дороге еле волочился.
Всю ночь до дому добирался он,
И только утром дома появился,
Когда скота уж выгнали в загон.

Сыны, его увидя, удивились.
«Отец, ты где всю ночь пропадал?»
Но присмотрелись — трезвый.. Убедились.
«Да не гулял я, а ходил гадал.

Теперь меня послушайте, ребята,
Вся жизнь моя проиграна вконец,
Для вас я был отцом родным когда-то,
Да вышел весь, я больше не отец.

Живите здесь, скотину, хлеб растите,
Хозяйствуйте по доброму всегда.
Добро мое все поровну делите,
Но не гадайте в жизни никогда.

А я пойду, меня зовет дорога.
Вам обо мне придется позабыть.
Как видно, не хотел я верить в бога,
Смогу ли снова веру я добыть.»

И он ушел, никто его не видел,
Как будто и не жил он никогда.
Да, сильно он судьбу свою обидел.
Уже прошли века, а не года.

Гаданья на селе еще бывают,
И в них пока нуждается народ,
Но и гаданья меркнут, убывают,
А душу дьяволу никто не продает.

О мужике все как-то позабыли.
Остался только страшный слух о нем.
Да говорят, что ночью, в снежной пыли,
Тот перекресток светится огнем.

Пусть это необычное сказанье
В народе будет помниться всегда.
То черное, нечеловечное гаданье
Не повторяйте, люди, никогда!

ИГРОК

(Быль)

Не мало случаев бывает
Ночами в старый новый год.
На святки черти прибывают,
Тогда держись, честной народ.

Шулюкины во всю гуляют,
Да ночью пакости творят,
И интересы проявляют
До тех, кто жаден, говорят.

Того они вдвойне накажут,
А главное дадут понять,
Как к людям добрым быть, укажут,
Заставят нрав свой поменять.

Получше охранять хозяйство,
Или гостей ночных встречать,
Не то, присвоят разгильдяйство,
И сам он будет отвечать.

А люди день и ночь гуляют,
И рады празднику вполне.
Да все друг друга поздравляют,
Спиртное льется, как во сне.

Так, зимним вечером холодным
Шел из гостей один мужик.
Шумливым был, неугомонным,
Как видно, к выпивке привык.

Штормило мужика, качало,
Наверно, крепко он попал.
Держался кое-как сначала,
И все ж не выдержал, упал.

Он много выпил, отключился,
Не помешал ему мороз.
Да, хорошо мужик напился.
Уснул в снегу, в угаре грез.

Под градусом, как под наркозом,
В глубоком сне стал замерзать.
А смерть, давя его гипнозом,
Змеею стала подползать.

Но в это время по дороге
Шулюкинов ватага шла.
Подняли шум, галдеж в тревоге:
Тут человек замерз, дела...

А ну, берем его, ребята,
Быть может, он еще живой.
Спасти беднягу, дело свято.
Куда пойдём? Несем домой!

Ну, нет, домой нести не дело,
Далековато, не легко.
Несем его в больницу смело,
Больница вон, не далеко.

В больнице отвечать придется.
А что мы скажем там врачам?
Посмотрим, может, обойдется.
Мы просто ходим по ночам.

И вот шулюкины, в больницу.
Толпою шумною, пришли
Кричат, измазанные лица,
Мы человека, тут нашли.

В снегу лежал он, бедолага,
А может, он еще живой.
Лицо белее, чем бумага,
Без шапки с лысой головой.

Вторая половина ночи.
Проходит старый новый год.
Врач посмотрел: закрыты очи.
Ну, вот что, милый мой народ,

Как видно, этому бедняге
Уже не надо ничего.
Бывают в жизни передряги,
Теперь несите в морг его.

Пусть до утра он там побудет,
Пока анатом подойдет.
Покойников он не разбудит,
И сам из морга не уйдет.

А тот мужик от спешной тряски
На миг очнулся, глаз открыл,
Да увидал такие маски,
Что снова в обморок уплыл.

И полежав в тепле, в больнице,
Чуть-чуть согрелся, отошел;
А в морге стало ему сниться,
Что он домой к себе пришел.

Да, истина глаголет верно,
Не даром говорит народ,
Что пьяным море по колено,
И ничего их не берет.

Ему не страшен холод, стужа,
Он может ночевать в снегу.
Лишь трезвому бывает хуже.
А пьяный: «сможешь? – да, смогу!»

Он полежал, потом поднялся.
Темно, он спичку запалил.
И поначалу испугался,
Но спирт нашел, себе налил.

И страха, будто не бывало.
Нашел фонарь, зажег – горит.
Налил еще, спирт есть не мало.
Живой, похоже, - говорит.

Посмотрим, где я очутился,
Пора бы осмотреться тут.
Припомнил бога, помолился.
Я в морге. Что же, мне капут?

Но ведь такого быть не может,
Чтоб я живой и в морге был?
Так кто же мне понять поможет?
Или я что-нибудь забыл?

Наверно, черти притащили
Меня с дороги-то сюда.
А, вспомнил, точно, черти были,
Когда открыл я глаз тогда.

Да, сами-то они бывают.
Везде и всюду говорят,
И к нам на святки пребывают.
Они-то знают, что творят.

Но как, же в морг меня втащили?
Они проходят сквозь трубу.
Да, много черти натворили.
Ну, что ж, я тоже не бу-бу!

Ну ладно, коли так случилось,
Устрою я им тут бардак,
Что и чертям еще не снилось,
Какой тут будет кавардак.

Он пододвинул стол, скамейку,
За стол покойных усадил,
Как дружелюбную семейку.
Потом подумал, походил.

Достал он карты из кармана,
Как следует растасовал,
Да со сноровкой игромана
Покойным в руки рассовал.

Затем достал он сигареты,
Да каждому засунул в рот,
И, спиртом снова разогретый,
Игре дал полый оборот.

Сначала ставку он назначил,
Покойникам дал имена.
Еще не много выпив, начал.
Теперь такие времена.

Так, господа, на спирт играем –
Он громко, гласно объявил –
И ставки делать предлагаем.
Себе же не забыл – налил.

Потом бутыль на стол поставил,
И, нарушая тишину,
Играть покойников заставил,
Изображая сатану.

Ты, Павел, первый начинаешь...
И в морге шум такой поднял,
Что если даже морг ты знаешь,
То ты бы тоже не понял,

Что там такое происходит,
Какие могут быть дела,
И кто внутри там в морге ходит,
Какая тварь туда вошла.

И что за нечисть появилась.
Обычно в морге тишина.
Какая сатана вселилась,
Как будто там идет война.

Ходи, ходи на Михаила!
Мишаня, отбивай, не дрефь!
Ого, отбился, ну и сила!
Ходи к Николе дамой трэф.

Никола, не сиди, не кисни!
Крой даму козырным вольтом.
На, вот не много спирту вспрысни,
А уж ко мне пойдешь потом.

А сам кричит, по моргу ходит,
Все больше шума создает.
Себе он места не находит,
Авось, кто к моргу подойдет.

И уж наверняка услышит
Все похождения его,
Что он живой тут ходит, дышит,
Но не выходит ничего.

Кричит: я – русский, не сдаюся!
Ходи, Никола, на меня!
Уж как-нибудь да отобьюся,
Не проиграю же коня!

А в это время с полупьяна,
Проснувшись, сторож проходил.
Он с бодуна был, и нечаянно
У морга как бы приبلудил.

Остановился на минутку,
Услышал шум и голоса,
Перепугался не на шутку,
Воскликнул: что за чудеса!

Потрогал двери: все закрыто,
На щеколде большой замок,
А в морге, как из-под корыта,
Движенье, говор, и шумок.

Мужик услышал за дверями
Движенье, снежный хруст шагов.
Вы догадались, верно, сами,
Что к встрече он давно готов.

Как за живое он задетый.
Задвигался да заспешил,
Зажег покойным сигареты,
Фонарь немного притушил.

И в полусвете, в полумраке
Шуметь он в морге продолжал,
Как будто после шумной драки,
Махал руками, возражал.

А сторож, слыша шум и крики,
Решает заглянуть в окно.
Свет из окна не яркий, липкий,
Высоковато вот оно.

А посмотреть в окно, что в морге,
Без подстановки ну никак.
И вот решает он в итоге,
Чтоб подтащить к окну верстак.

Верстак тяжелый не поддался.
Он ящик подтащил к окну,
Потом на ящик тот взобрался.
Я с ящика в окно взгляну.

Ах, низковат, окно высоко.
Так что же делать, как тут быть?
Вон, стройка светит не далеко,
Тут надо что-то подложить.

Но на руках он подтянулся,
Потом на цыпочки привстал.
В окно заглянул, поперхнулся,
И тут же с ящика упал.

Но полежав в снегу не много,
Его снег как бы отрезвил,
Он тут же вышел на дорогу,
И побежал, что было сил.

В санпропускник влетев, свалился.
Ни слова вымолвить не мог,
Но выслушать его взмолился,
А сам как будто занемог.

Слова коверкает с испуга.
Никто не может слов понять.
Когда же поняли их друга,
То хохот не могли унять.

А сторож клятвой подтверждает:
Покойники, мол, пакостят,
Там курят, пьют, в очко играют,
И морг поджечь они хотят.

Они кричат, друг друга будят.
Нам морг поджечь пора давно,
А от огня больней не будет.
Мы мертвые – нам все равно!

Их лучше выпустить на волю,
Ведь до беды не далеко!
Медсестры насмеялись вволю:
Тебе с похмелья не легко!

Ты, брат, того, бросай все пьянки,
Не то горячку наживешь,
И вместо праздничной гулянки
Сам в морг нечаяно попадешь.

Да нет, я просто был в обходе,
И вдруг, из морга голоса,
Шаги и шум оттуда, вроде,
Подумал, что за чудеса.

Аль ночью морг в работе снова,
Кого-то привезли, пади.
Вот и решил на той основе
Повторно к моргу подойти.

Проверил, все замки закрыты,
А голоса-то все идут.
Из-за двери, слегка прикрытой,
Слышать, что там кого-то ждут.

Я ящик подтащил к окошку,
Да внутрь-то и заглянул.
Вот заливает, ты ж не кошка,
Чтоб так высоко сиганул.

Я правду говорю, поверьте,
Что там и пьянка, и игра.
Пойдите сами и проверьте.
Да отдохни ты до утра.

Вот утречком придет анатом,
И морг откроется тогда.
Ругнулся сторож крепким матом,
Ох, не к добру это, беда!

Ну, дело ваше, как хотите,
Я вам сказал, предупредил.
Только потом не говорите,
Что я у морга не ходил.

Вот и анатом на подходе.
Пошли в морг двери открывать.
Открыли, в морге тихо, вроде,
В углу две лавки, как кровать.

На лавках спит мужчина пьяный.
Дает мужик тот храпока.
А за столом так чинно, рьяно
Сидят покойники пока.

В зубах все держат сигареты,
Меж пальцев карты для игры,
И простыни на них одеты,
Тут не хухры тебе мухры!

А перед ними спирт в бутылке.
Стакан на половину пуст.
Видать, покойнички-то пили.
Еще бы — огуречный хруст.

Была бы полною картина.
Это мужик тут ночь творил.
Напился спирту, вот скотина,
Он и покойникам налил.

И мужика тут разбудили,
А тот, как есть, всю ночь не спал.
Да кое-как растормошили,
Спросили: как сюда попал?

Мужик, с похмелья иль спросонья,
Сказать не может ничего.
И кое-как сказал, не помню,
Кто он и как зовут его.

Бесследно пьянка не проходит.
Отшибла память мужику.
И до добра уж не доводит,
То всем известно на веку.

И лишь потом, дней через десять,
Он вспомнил: в морге ночевал.
Решил проверить все и взвесить,
Как с кем-то в карты там играл.

А как он в морг попал, не вспомнил,
И уж не вспомнит никогда.
Такие вот бывают козни
Ночами в святки иногда!

ОТ АВТОРА:

А в старый. Новый год тем паче,
И не такое может быть.
Так пожелайте мне удачи,
Чтобы писать, творить и жить!

ПЕСНЯ СОЛОВЬЯ

В роще над речушкой
Соловей поет.
Серая пичужка
С ночи утра ждет.

И от этой трели,
Где ручьи журчат,

На душе теплее
У шальных девчат.

Майскими ночами
У девчат любовь
Яркими лучами
Расцветает вновь.

С соловьиной песней
Поздним вечерком
Радостью сердечной
Грудь сжимает ком.

И поют девчата,
Вторя соловью,
Про любовь, что свята,
Про судьбу свою.

МУЗЕЙ

(Посвящается Южинскому сельскому музею)

Музей для нас давно не ново.
В райцентрах, в области, в стране
Он, как истории основа,
Но вот в деревне, как извне.

О чем веками не мечтали,
И не писали даже книг,
Как отклик древности и дали,
В деревне вдруг музей возник.

Возник не сам собой, конечно.
Идею жизнь сама дала.
Вот так, с душевностью сердечной
И начались, пошли дела.

И, по крупице собираясь,
Сначала малым уголком,
Все шире, боле разрастаясь,
В пространство втиснувшись силком.

Да быт крестьянский отражая,
Собрав предметы старины,
Дел бескорыстных урожая
Сибирской дальней стороны.

Пусть обыватель скажет нудно,
Собрали маленький музей,
Но он не думает, как трудно
Такое дело без друзей.

Не все так просто сами лично
Несут в музей добро свое.
Другим в хозяйстве это лишне:
Нет, не отдам, оно мое.

Оно ненужное бесцельно,
Но пусть лежит, нет, не отдам,
А может это что-то ценно,
За деньги, может быть, продам.

Такие люди – исключенье.
Другие отдают, что есть,
Как исполняют порученье,
Считая это все за честь.

И помогают, кто чем может,
Создать свой собственный музей.
Они-то знают, кто поможет,
Тот обретет себе друзей.

Так, в дружбе светлой и духовной,
Творящей общее добро,
Душа от скверности греховной
Очистится, как серебро.

Музей, как память, создавали
О людях древности былой
Потомкам, чтоб не забывали
Первоначальной жизни слой.

Так, продвигаясь год за годом,
Мы и дошли до наших дней.
История села, народа
Вся в этой комнате, вся в ней!

ДЕД И БАБА

(Сценка)

На сцене стол, два стула. На столе накрыта полотенцем посуда. В сторонке вешалка, на вешалке верхняя одежда, дедова шапка с торчащим в сторону ухом. В уголке бодажок. Дед с бабой сидят за столом. В стороне – диктор.

Диктор:

Жили бабушка и дед.
Хлев пустой, скотины нет.
Кобелек Мухтар живет
Да домашний Васька кот.

Скучно деду, он мужик,
От крестьянства не отвык.

Подрубил его недуг,
Но сдаваться недосуг.

Куст сирени преклонил
Да кормушку прислонил.

Дед:
Не могу без дела жить,
Буду пташечек кормить.

Диктор:
А Мухтар хвостом виляет,
Интересы проявляет;
И старается при том
Познакомиться с котом.

Васька кот за дедом ходит,
Взгляд от пташек не отводит.
Он охотник-сорванец,
Но жуланчик – не птенец.

Птичка шустрая летает,
Кот такую не поймает,
Потому что у кота
В ловле тактика не та.

Любит бабушка кота,
А вот деду – маята:
Ваське «Вискас» да сметанку,
Дед же ест с утра овсянку.

Дед:
Просит бабу дед плаксиво:
Милая, купи мне пива?

Баба:
Пьянки не терплю,
А крупы тебе куплю;

Кушай кашу да картошку,
Испеку в обед лепешку;

Чем ты меньше пива пьешь,
Тем ты дольше проживешь.

Дед:
Баба, каша надоела,
Ты сама-то кашу ела?

Баба:
Я диету соблюдаю,
Вон, печенье доедаю.

А тебе какое дело?
Аль не видишь: похудела?
Сам-то бабушку жалеешь?
Только пташечек лелеешь!

В магазин бы сам сходил,
Бабе яблочек купил.

Говорят, кто фрукты ест,
Станет стройненький, как шест.
Аль не знаешь? Это модно!

*Дед: вскакивает со стула, надевает шапку,
хватает бодажок, стукнул об пол, кричит:*

Да худей ты сколь угодно!
Я же в клуб в кино пойду!
И другую там найду!

Баба:
Ты с ума не сходишь, дед?
Ведь тебе в обед сто лет!

Дед:
Годы – это не беда,
Я мужчина хоть куда.
А мне худая не нужна,
Так вот, модная жена!

Выбирай: иль Васька-кот,
Либо все, с тобой развод!

Диктор:
Так ругались баба с дедом.
Помирились за обедом.
Сколько баба не бузила,
Все же деду уступила

Баба:
Дед, ну хватит, не сердись,
Лучше к бабе повернись.
Я всего-то пошутила.
Посмотри, пивка купила.

*Баба из-под полотенца достает бутылку пива,
ставит на стол. Дед видит пиво, улыбается,*

подходит к вешалке, снимает шапку, садится за стол. Баба хлопчет с закуской. Садится рядом.

Диктор:

А Мухтар и Васька-кот
Познакомились и вот,
Да на радость бабе с дедом
Ходят друг за другом следом.

Дед и баба тем не мене
Наварили пельмени.
Снова рядышком сидят,
Пельмешечки едят.

Баба больше не худеет,
Дед у бабы молодеет.
И пускай им по сто лет,
Любит бабу старый дед!

*Дед обнимает бабу.
Конец.*

ЮБИЛЕЙ

(Посвящается Тамаре Беспаловой)

Прошло уж боле полу века,
И вот сегодня юбилей
Искрится счастьем человека,
Как звездный дождь среди полей.

Пусть это счастье будет вечным,
Не иссякает никогда,
Веселым праздником сердечным
На все оставшиеся года!

От всей души вас поздравляем,
Чтоб праздник длился целый год;

Здоровья, счастья вам желаем
На много-много лет вперед.

Пусть вас не трогают болезни,
Нужда и бедность не придут.
Ростки домашних дел полезных
Хлебами тучными взойдут.

Мы юбилею рады сами!
Пусть в шутке слышится «налей!»
Всерьез хотим отметить с вами
Мы ваш столетний Юбилей!

55 лет 2009г.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ

(Земнуховой Марии посвящается)

Вот и минуло вам шестьдесят.
Не беда, лишь бы было здоровье!
Лишь не мощные дома сидят,
А у вас есть дела на подворье.

Мы желаем вам столько еще
Быть веселой да дома трудиться,
Пока сердце стучит горячо,
Сложив руки, сидеть не годится.

И пока есть здоровье, трудись,
Отдавая труду уваженье,
Да делами своими гордись.
В жизни главное – это движенье!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Да, за спиной остались годы.
С годами молодость ушла.
Мы вам желаем, как погоды,
Уюта в доме и тепла.

Пусть ваше счастье будет вечным,
В семье не рушится оплот,
А праздник – радостным, сердечным,
Растянется на целый год.

Не надо думать о печали,
Хоть жизнь не легкою была.
Мы пожелаем вам вначале
Здоровья, счастья и тепла!

И пусть тепло не иссякает
В душе и в доме никогда,
А жизнь в согласье протекает,
Любовью полнится всегда!

Всегда в работе и движении:
Хозяйство, кухня, огород;
Но праздники и дни рожденья,
Чтоб отмечались каждый год!

ГОРЯЩИЙ ЛЕС

Белый дым, застилающий лес,
То трава выгорает вдоль леса.
Только кто же зажег, что за бес?
Дым закрыл горизонт, как завеса.

И горит, выжигается лес,
Выгорают ростки первохода.
Дым от гари идет до небес.
Где огонь, там пустая природа.

Улетят перепелка, сова,
Лишь останутся черви да мыши,
Да поднимется снова трава,
Сорняки нарастут выше крыши.

Так они простоят до весны,
А весной подожгут их по новой.
Хорошо, что у нас нет сосны,
То горел бы у нас лес сосновый.

От искры происходит пожар.
От него лесу много угрозы,
А от пламени пышущий жар
Губит ягодник хуже мороза.

Выгорают грибные места,
Торф, который копился веками;
От сгоревшей травы и листа
Лес погибнет большими кусками.

Так бывало во многих местах,
И весной всегда повторялось.
Все пожары, беда, просто страх,
Даже дичи в лесу не осталось.

Дичь боялась огня все года.
Это знают все люди от века.
Но огонь и пожар, как всегда,
Происходит от рук человека!

ПОБЕДА

Шестьдесят четвертый день победы,
Но не забывается она.
Сколько горя, и какие беды
Принесла проклятая война!

Двадцать миллионов только русских
Смертью пали в пламени войны.
На путях к победе, тропах узких,
Погибали Родины сыны.

Дорогой ценою заплатили
За победу с нечестью гнилой,
За позор людской фашистам мстили,
Дни и ночи бились с силой злой.

Но не только на войне ковалась
Та победа в дыме и пальбе,
И в тылу победа добывалась,
Труд для фронта не чета гульбе.

Каждый день ковалась та победа,
В заводских цехах и на полях;
Зачастую, днями без обеда,
Трудовые будни, как в боях.

Тяжело трудились дни и ночи
Женщины, подростки, старики.
Иногда уж не хватало мочи,
Но хандрить нам было не с руки.

Мерзли, голодали, но трудились.
Шли к победе из последних сил.
Даже дети на поля просились,
Каждый человек свой вклад вносил!

Колоски на поле собирали,
На склады сдавали все зерно.
Похоронки с фронта получали.
Нет! Не забывается оно!

То лихое время, как зараза!
Голода большое колесо!
Тот плакат на уровне приказа:
Все для фронта! Для победы все!

СПАСАТЕЛИ

(Песня)

Есть хорошие люди на свете,
Не напрасно о них я пишу.
Пусть им солнце с небес ярче светит,
Я об этом его попрошу.

Им не надо богатства и славы,
Лишь бы жил человечества род.
Их величие так величаво,
Что поет о них песни народ!

Пусть их труд незаметный и скромный,
Но не зря о них все говорят.
Вклад в спасенье людей так огромный!
Их сердца, как у Данко горят!

Да, работа у них не простая.
Иногда вызывают и в ночь.
И, от смерти частенько спасая
Тех людей, кому надо помочь.

Там пожар, он от искры занялся.
Дом жилой весь в дыму и огне.
По тревожной команде поднялся
МЧС, он в любой стороне!

Но они все обычные люди,
А готовые гибнуть в аду!
И в душе их покоя не будет,
Если люди попали в беду!

Оторвались на льдине не прочной
Рыбаки-непоседы, и вот
Их река понесла, как нарочно,
Расколись, и потонет народ.

Тут промедлить нельзя ни минуты.
Все на катер и снова вперед.
Да, рискуют спасатели круто,
Но ребята спасают народ.

Есть хорошие люди на свете,
То спасателей наших отряд.
Пусть им солнце с небес ярче светит!
Да хранит их господь, говорят!

ПОБЕДИТЬ СЕБЯ

(Песня)

Как бы мне победить себя?
Победить в сердце боль и обиду.
Жизнь свою, как невесту, любя,
Да признаться себе не для виду.

Как бы мне победить себя?
Пересилить свое убеждение.
Сохранить всю любовь для тебя,
Не теряя к тебе уважение.

Как бы мне победить себя?
Да тебе о любви спеть весною,
И сказать, как люблю я тебя,
Попросить, чтоб была ты со мною.

Как бы мне победить себя?
С головою в любовь окунуться,
И уснуть на груди у тебя,
А на утро счастливым проснуться.

Как бы мне победить себя?
Насладиться любовью горячей;
И тебя всей душою любя,
Быть всегда молодым, не иначе.

Как бы мне победить себя?
Отойти от хандры бессердечной.
Своим телом согреть бы тебя,
Чтоб остаться с любовью навечно.
Как бы мне победить себя!!!

ПЕСНЯ О ВОЙНЕ

День Победы девятого мая.
Отголосок далекой войны.
И народ, это все понимая,
Не снимает с фашизма вины.

Сколько было боев за победу
При защите страны, городов!
Воевали отцы наши, деды –
Молодежь тех далеких годов!

И теперь, когда минули годы,
На окопах деревья растут!
Да, не делает больше погоды
Тех солдат исторический труд!

Но они уж свое отслужили,
Долг солдатский отдали сполна!
Молодыми они тоже были,
Да их годы украла война!

Не в зачет пять лет жизни отнято.
Им, как службу, никто не считал!
И служили по новой солдаты,
Кто с войною от службы отстал!

Они чести своей не марали
В той войне, что была не в зачет!
Гибли парни, от ран умирали!
Воздадим же им славу, почет!

Не забудем мы доли печальной
Тех солдат, что война унесла!
Помянем их минутой молчанья,
Что их родина-мать не спасла!

Жизнь уходит от них, как дорога.
Год от года стареет солдат!
С той войны их осталось не много,
Не забудь же солдата, мой брат.

Ими лично победа добыта,
План фашизма был ими разбит.
Нет, ребята, война не забыта!
И никто из солдат не забыт!

Так пускай же солдат за победу,
Что омытая кровью была,
Выпьет рюмку вина за обедом,
Да припомнит былые дела!

Как победы они добивались,
Как мечтали о завтрашнем дне,
И от взрывов в окопах спасались,
Да горели в смертельном огне!

Отрывало осколками руки.
Отнимала здоровье война!
Не забудьте дедов своих, внуки!
Пусть над ними стоит тишина!

К 9-му мая 2009г.

ВЕСЕННИЙ СЕВ

Весна, уже начало мая.
Прогноз погоду всю ломает.
И мы не можем угадать,
Дождь, холод, солнца не видать.

Пора начать бы посевную,
В селе работу основную.
Беда – погода не дает,
Земля никак не подойдет.

Она холодная, сырая.
Ждут семена, лежат в сарае,
Когда в Сибирь придет тепло.
Земля, как черное стекло.

Уж хлебробы заскучали,
Но ждут ребята, пусть вначале
Ладом прогреется земля.
Скорей бы выйти на поля.

Весной в полях работы много:
Сев провести во время строго.
Весна не ждет, она идет.
Упустишь день, пропустишь год.

Нельзя нам медлить ни минутки,
Упустишь час, теряешь сутки.
Но и спешить нельзя никак,
Хлеб сеять – это не пустяк.

Как сев вести ребята знают,
Поэтому и выжидают.
Земля, как только подойдет,
Сев круглосуточно пойдет!

4 мая 2009г.

ПОДВИГ ВРАЧЕЙ

Живет на свете человек.
Пусть у него короткий век,
Но он работает, живет,
Да радость жизни познает.

Жизнь на земле всегда была,
И человека родила.
Как это надо понимать,
Та женщина – родная мать.

Живет и радуется жизни,
Да служит родине-отчизне.
Не знает он лишь об одном,
За счет кого он входит в дом.

Он знает, жизнь ему дала
Родная мать, что родила;
Но как он рос, здоров ли был,
Об этом он давно забыл.

Всегда ли все благополучно,
Когда в зачатъе несподручном
Ни мать не знает, ни отец,
Что получилось, наконец.

Это сейчас УЗИ у нас.
А как же было в прошлый раз?
В избе родился человек,
Но это было в прошлый век.

В двадцатом веке так случилось,
Однажды, девочка родилась.
Врачи уж знали все сначала:
Малышка просто умирала.

Но так и в древности бывало,
Детей не мало умирало.

И факел жизни часто тух
У старых бабок-повитух.

А наши русские врачи –
Не повитухи на печи.
Обследование провели,
Причину быстренько нашли.

Новорожденной надо жить.
Решили, так должно и быть.
Чтобы ребенок ожил вновь,
Нужна новорожденной кровь!

Без крови девочка была.
Сказали так, что за дела!
Сейчас на станцию пойдём,
Кровь нужную мы там найдём.

За кровью два врача пошли,
Но крови нужной не нашли.
Кровь нужную ребенок ждет.
Последний час дитя живет.

Два молодых врача тут встали,
Ребенку кровь свою отдали!

По детским венам кровь пошла,
И вот девчонка ожила.
Живет на свете человек.
То случай был в двадцатый век.

Врачей в газете похвалили,
Да премией их наградили.

А парни, что врачами были,
О подвиге давно забыли,
Они не думали о том,
Что кто-то вспомнит их потом.

Подобных подвигов не мало
По жизни у врачей бывало,
Но врач такой уж человек,
Идет уж двадцать первый век.

А он живет, не прокисает,
По-прежнему людей спасает.
Болезней много на земле.
Они в райцентре и в селе.

Больные все к врачам идут,
Да от врачей лишь помощь ждут,
И верят, если врач решит,
Он снова подвиг совершит!!!

ЖИВАЯ ПРИРОДА

Вот снова к нам пришла весна,
И все проснулось ото сна.
Гляди, лужок зазеленел,
А лес листвою зашумел.

По лесу птичьи голоса
Передают, как чудеса.
Весна идет среди лесов,
Пора высиживать птенцов.

По речкам рыба нерестится,
А над водою чайка-птица
Высматривает рыбу снова,
Для ней питания основа.

У ней среди воды открытой
Гнездо на кочке травкой скрыто,
И чайке надо как-то жить,
Свое потомство прокормить.

Над плесом илистым, открытым,
Окрестность оглашая криком,
Летает стайка куличков,
Они там ищут червячков.

Весной у речек интересно.
Местами, птицам будто тесно,
Тут чибис, рядом турухтан
Кружат над лугом тут и там.

И все кричат, предупреждают,
Глядеть под ноги предлагают,
Гнездо не раздави, смотри,
Оно под кочкою внутри.

Весной природа оживает.
Ночами воздух остывает,
Но только утро настает,
С востока солнышко встает,

И вновь на берегу светло,
А солнце шлет свое тепло,
Река кипит и серебрится,
Там снова рыба нерестится.

А по лугам и берегам
Вновь не смолкает птичий гам.
Жизнь надо тонко понимать,
Ее дарит природа-мать.

И пусть живут на свете птицы:
Скворцы, перепела, синицы;
Зверюшки: хорь, лиса, барсук,
Ондатра, норка, бурундук.

Все жить хотят на этом свете,
Да чтоб на радость были дети.
Их цель не только народить,
А вырастить и в жизнь пустить.

ПАТРОННАЯ СУМКА

Да, охота для души.
Посильней работы.
А ружьишки хороши,
Только для охоты.

Но теперь она не та.
Что с охотой случилось?
Так, одна лишь суета,
Дичи не осталось.

Эх, а раньше было как!
Дичи было много.
Но охота не пустяк,
Было очень строго.

Где попало никогда
Раньше не стреляли,
Но, где можно, там всегда
Много дичи брали.

Разрешение возьмешь,
Словно на работу,
Сколько дичи ты убьешь
За одну охоту?

Ну а если ты стрелок,
Снайпер на «отлично»,
Тут охота будет впрок,
И трофей приличный.

Я и сам стрелок был О-О-О!
Никогда не мазал.
Сколько лет уже прошло,
А я б еще полазил.

По болотам, по лесам,
По озерным плесам.

Я-то точно знаю сам,
Как ходить за лосем.

Как охотятся сейчас,
Лишь заряды портят.
Я, бывалочи, за час
Убивал, как в спорте.

Уток сотни убивал,
И было все в порядке.
Много дичи добывал,
Как по разнорядке.

Зайцы, лисы, барсуки,
Это, как обычно.
Я стрелял с любой руки,
Для меня привычно.

Вот как было то, дружок,
Как то на охоте.
Раз, пошел на бережок,
Как солдат в пехоте.

Сразу гуся увидал,
Выстрелил, и в сумку.
Да, видать, не прогадал
Озерко, как лунку.

Зайца встретил, бах, и вновь
В сумку, как обычно.
Эх, охотушка-любовь,
Как с тобой отлично!

Волк попался, сразу: бах!
В сумку, да и дальше.
Не заметил впопыхах,
Что уж был тут раньше.

Огляделся, лось идет.
Бах да бах! И в сумку.
Да, сегодня мне везет.
Надо скушать булку.

Отдохнул, пошел пешком,
Сам собой доволен.
За спиной с пустым мешком,
Но здоров, не болен.

Сколь патронов расстрелял.
Жалко только, мимо.
Хорошо я погулял,
На душе так мило.

А друзья подняли смех:
Вот болтун, мазила.
Ну не могу я без помех.
А что же в сумке было?

Что за сумка у тебя?
Может быть, трехтонная?
Да, скажу я вам, любя,
Сумка-то патронная.

Никогда я вам не врал,
Я же не свихнулся.
И в медведя я стрелял,
Ведь живой вернулся.

Я охотиться люблю,
Мне везло, бывало.
Трепачей вот не терплю,
Сам трепался мало.

А о чем еще трепать,
Если нет охоты.
Тут пора ложится спать,
И никакой заботы.

Приключений никаких,
Так, одни лишь байки.
Все, с охотой я притих,
Лучше о рыбалке.

На рыбалке я мастак,
И всегда удачлив.
Нет, рыбалка – не пустяк,
Я там просто счастлив.

Там, я правду говорю,
Я ловлю удачу,
А трепаться не люблю,
Молчуном рыбачу.

Так, немножечко, чуть-чуть,
С воробьиный носик.
Ну, пора за рыбой в путь.
Вон, как рыбу носят.

Эх, пойду-ка поужу,
Снасть-то не простая,
А рыбу в сумку положу,
Все равно пустая.

Все патроны расстрелял,
А пойду я к броду.
Только время потерял.
Ну, за рыбой сходу.

ДУМЫ О СУДЬБЕ

Мои года уходят безвозвратно.
Печаль и грусть, такие совпадения.
Как видно, жизнь не повернешь обратно,
Остались лишь в надеждах убеждения,

Но убеждения мои ослабевают.
А старость надвигается безмерно,
И все надежды тают, убывают.
Как видно, скоро я умру наверно.

Да, видно так судьба моя сложилась,
Я отдавал всего себя Отчизне.
Наверно, матери моей во сне приснилось,
Что мне судьбой отмерено две жизни.

Но это все иллюзии обмана.
Мне не нужна другая жизнь, чужая.
Свою бы мне не растерять в тумане,
Зерно собрать, как память урожая.

А коли так, с судьбою не поспоришь,
Она всегда играла человеком.
Свой путь последний сам ты не проторишь!
Так жизнь людей уходит, век за веком!

И нам с судьбой приходится мириться,
Да у людей честных просить прощенья,
В безвыходности богу помолиться,
А в мир иной уйти без думы мщенья!

Пора покаяться перед людьми и богом
За годы молодости, что в грехах уплыли,
За то, что мир стал шатким и убогим,
Который мы построили из пыли.

ХОЛОДНЫЙ МАЙ 2009-го ГОДА

Опять испортилась погода.
Идет уж пятый месяц лета.
Когда же к нам придет тепло,
Чтоб было на душе светло?

Все ждут с рассвета теплоты,
Но не сбываются мечты.
Уж скоро лето подойдет,
Тепло, однако, не идет.

А без тепла и роста нет.
Нарвать бы зелень на обед.
Без овощей, что говорить,
Борща хозяйке не сварить.

Тепло должно придти бы вроде.
Чернеют грядки в огороде.
Холодный май, чего смотреть,
Пора бы грядкам зеленеть.

Но всходы тоже ждут тепло,
Чтоб в огороде все росло;
А без тепла не тот уют,
И даже птицы не поют.

Такой вот нынче месяц май.
Как хочешь, так и понимай,
Холодной выдалась весна,
Крестьянам ночью не до сна.

Того гляди, мороз падет,
В саду смородина цветет,
Соцветие мороз убьет,
Не будет ягод целый год.

Не спи, садовник-огородник.
Тут не поможет и угодник.

В спасеньи ягод сам решай,
Жги дымокуры, не плошай.

Такая нынче уж погода
Бывает в это время года,
Что без тепла, как без воды,
И не туды, и не сюды.

Но мы не будем суетиться.
Пускай нам ночью не по спиться,
Мы от мороза сад спасем,
И ягод на год припасем.

Наварим на зиму варенья.
А чай с вареньем — наслаждение.
Почувствует любой гурман:
Варенье — это не обман.

Так постарайтесь, мужики.
Зевать нам нынче не с руки.
Спасайте сад и огород,
Он нас от голода спасет.

2009г.

НА ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ

На селе музей открыли.
На открытие пригласили
Молодых и пожилых -
Культработников бывших.

И собрались Тани, Мани,
Гости тут из Колывани.
А музей-то, как судьба,
Назван «Русская изба».

Все пошло, как и хотели:
Выступали, песни пели.

Всем понравились певицы,
Хоть они не молодницы.

Спели очень хорошо,
Попросили спеть еще.
А потом, как в Колизее,
Осмотрели все в музее.

Очень много раз подряд
Щелкал фотоаппарат.
И, конечно, был обед,
Деревенский домосед.

Лук, капуста, огурцы.
Ну, бабенки — молодцы.
Тут картошка появилась,
Самогонка пригодилась.

И салаты принесли.
Каравай свой испекли!
Замечательный обед,
Я б назвал его банкет!.

И попили, и поели,
Да еще две песни спели,
И расстались, как друзья.
Эх, надо б лучше, да нельзя!

КРЫЛОВСКИЙ ВОЗ

Крылова басни — всем наука.
О том, как лебедь рак и щука
брались с поклажей воз везти,
поклажу ценную спасти.

Тот воз, как ценное преданье,
Был государства достоянье.

И, чтобы ценности спасти,
Воз нужно срочно увезти.

А воз не сдвинулся пока.
Там лебедь рвался в облака,
Вновь все вставали по местам,
Да воз и ныне был бы там.

Но вот в стране сменилась власть,
И перестройка началась.
Переворот, скандал, галдеж,
Там грабят, тут идет дележ.

Проснулся утром наш поэт,
Глядит в окно, а воза нет.
Исчез за ночь крыловский воз,
И лишь телега без колес.

Напоминает басню нам,
Что воз стоял когда-то там.
Пока в Кремле дебаты были,
О возе как бы позабыли.

Пошла в России заваруха,
Приватизация, разруха.
Там, где работой жил народ,
Пошли долги, потом банкрот.

Где взять ресурсы, встал вопрос.
Распотрошили ценный воз,
И всем законам вопреки
Построили особняки.

И обнищала вся страна,
Пустою стала в ней казна.
Тут и подседа молодежь
На наркоту, разбой, грабеж.

А лебедь, щука, с ними рак
Ни с чем остались просто так.
Им не нужен людской прием,
Пошли втроем на водоем.

Исчезла дружба до отла,
А с ней и общие дела,
И не встает теперь вопрос,
Как увезти крыловский воз.

Его давно распотрошили,
Даже колеса утащили.
Никто не спросит по утрам,
Стоит ли воз и ныне там.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Живет библиотека в Колывани,
Праматерь всех библиотек в районе.
Работает в своем обычном плане,
И все-то в ней в порядке, как в законе.

Тебе такое даже не приснится,
Когда тебе придти в нее придется,
Шестьдесят восемь тысяч книг
там в ней хранится,
А в них, что пожелаешь, все найдется.

Хорошая библиотека в Колывани,
В ней тысячи читателей бывают.
Я бы назвал библиотеку храмом знаний.
Там знания из книги добывают.

А для студентов, как бальзам, библиотека.
Им без нее никак не обойтись,
Для них она, как немощным — аптека.
А в светлом зале ты читай садись!

Она, как память для ума и просвещения.
Бывают в ней писатели, поэты.
И создана не только для ученья,
На все вопросы в ней найдешь ответы.

Такая вот библиотека появилась,
Нет, не вчера, а много лет назад.
В старинном доме просто разместилась,
Живет и здравствует литературный клад!

А сколько там любителей-поэтов
Печатали свои произведения,
Книг памятных и сборников, буклетов,
Чтоб не пропали в хаосе забвенья.

Придешь в нее, возьмешь ли книгу в руки.
Вопросы все на память запиши.
И скажешь ты: да это храм науки!
Да, выбирай, что хочешь, для души!

Есть книги технологии, культуры,
Есть для познаний разных языков,
Художественной и простой литературы,
А есть истории из древности веков.

Такая вот библиотека в Колывани,
И если вам придти в нее придется
С простым обычным адресом в кармане,
Она у нас Центральною зовется!

РАЗ НА РАЗ

Мы на Тою собрались,
Кое-как разобрались,
Что с собою лучше взять,
Порыбачить, погулять.

Вот подъехали к речушке,
Пива выпили по кружке,
Запалили костерок
Да разложили полог.

И достали все излишки:
Котелки, бутылки, пышки -
Все, что нужно для души.
Что ж, закуски хороши.

Тут консервы, колбаса
И бутылочка-краса,
Хлеб и сало появились.
Для начала похмелились.

Я люблю рыбачить — страсть!
Тут пойдет любая снасть.
Опустил подъемник в воду,
Поболтали про погоду.

И рыбалка началась,
Только рыба не далась.
Речка тихая, простая;
Сеть проверили — пустая.

Эх, к пивку что ль присосаться?
Нет рыбешки, не плескаться,
Щука тоже не гуляет,
Никого не удивляет.

Наливай, пропала страсть,
Не поможет нам и снасть,
Зря лишь время потеряем,
Тут мы рыбы не поймаем.

И поели, и попили,
Жалко, девок не сманили,
Как бы времечко прошло,
Коль с рыбалкой не пошло.

Что ж, пропал весь вечер мой,
Так поехали домой!
Дома лучше как никак,
Чем потратить время так.

Комары надоедают,
Хоть не много, но летают.
Вон, погасла уж заря.
Лишь бензин спалили зря.

Видно, место прогадали,
На обловлено попали,
А чего тут возражать,
Надо, надо уезжать.

По последней пропустили,
Собрались и покатили.
Рыба, надо понимать,
Не пошла, япона мать!

Снова катим по дороге,
Позабыли все тревоги.
Что ж, бывает, раз на раз
Не приходится у нас.

Вон, деревня показалась.
Разгрузиться лишь осталось,
Да домой идти пора,
Отсыпаться до утра.

Порыбачили на славу,
Пива выпили по праву.
Как всегда, с пустой сумой
Возвратились домой!

МИНТЯЙ

Где утро начинает бег,
А лес закрытый тенью,
Жил не обычный человек,
Обремененный ленью.

Цель жизни у него была,
Как сладкая сюита,
Поесть бы каши мать дала,
Да выспаться до сыта.

Но вот беда к нему пришла.
Под утро на субботу
Внезапно мама умерла,
Оставив всю работу.

Заплакал бедный человек,
Обремененный ленью:
«Ох, видно, кончился мой век,
Закрылся черной тенью.

Кто будет кашу мне варить,
Кормить меня до сыта.
Зачем теперь на свете жить?
Вся жизнь моя разбита!

Не пережить мне ту беду,
О жизни всю заботу.
Умру, от жизни отойду,
Чем начинать работу.

Теперь все надо самому
Топить, варить да жарить.
Нет, лучше с голоду умру,
Чем кашу в печке парить».

Проходит день, идет другой.
Народ глядит, гадают,

Не видно дыма над трубой.
Минтяй-то увядает.

Решили все же посмотреть,
Так, ради любопытства,
Не мог же он там умереть,
А вдруг самоубийство.

Заходят, а сынок лежит,
Глазами лишь моргает,
А сам от холода дрожит,
Как будто умирает.

В избе гуляет ветерок,
Окошко приоткрыто,
А изо рта идет парок,
Лишь пес ворчит сердито.

Они к сыночку подошли:
«Чего лежишь?» - «Хвораю.
А вы зачем сюда пришли?
Я, может, умираю.

«А умираешь от чего?
Ты сам здоровый вроде» -
«Да кушать нету ничего».
«Вон, репа в огороде».

«Так репу надо же нарвать,
А после мыть да парить!
Нет, лучше буду умирать,
Чем печь топить и жарить».

«Ну на, покушай сухарей» -
«А сухари моченые?»
«Так сам вставай да чай согрей.
Ну так хотя б толченые?» -

«Нет, я такие не возьму.
Вы сами их грызите.
Уж лучше с голоду умру.
Прошу вас, уходите».

Вот так и умер тот лентяй
От голода и стужи.
Лентяя звали все Минтяй,
А кое-кто и хуже!

МАРИНА

(песня)

Запахи малины
Носит ветерок.
Посмотри, Марина -
Чудный вечерок.

Погоуляем вместе
Вечером в саду.
Радостные вести
От тебя я жду.

Хорошо, Марина,
Погоулять вдвоем.
Ягоде малине
Песенку споем.

Много ягод будет
В это лето вновь.
Пусть они разбудят
У тебя любовь.

Милая Марина,
Я ночей не сплю.
Вовсе не малину,
Я тебя люблю.

А цветы дурмана,
Что цветут в саду,
Голову туманят
На мою беду.

Для тебя, Марина,
Пусть в саду цветет
Ягода малина
С розой каждый год.

Чтоб с любовью светлой
Жизнь твоя текла
За мечтой заветной,
Радости, тепла!

И в любви сердечной
Встретим мы рассвет,
Чтоб осталась вечной,
Как малины цвет.

Никогда не вяла
Горем и бедой,
Цветом расцветала
Вечно молодой.

Мы с тобою вместе
Все свои года,
Как жених с невестой,
Будем жить всегда.

Пусть цветет малина
Каждый год в саду,
Ведь любовь, Марина,
Не несет беду.

Не беда, Марина,
Что идут года.
Ты мне, как малина,
Сладкая всегда.

К старости, конечно,
В жилах стынет кровь.
Ничего не вечно,
Вечна лишь любовь!

ДОБРОЕ УТРО

Добрый вечер и доброе утро.
Как приятные эти слова,
Если сказаны искренне, мудро,
То от них не болит голова.

Утро доброе — слово простое.
Пожелай же его от души.
Нет, созвучье его не пустое,
Как добра пожеланье в тиши.

Слово доброе, как упоенье,
Ожидает такой же ответ,
Поднимает тебе настроенье
И здоровье на тысячу лет.

В конце дня говорим мы при встрече,
Мимолетно, как все говорят,
Так и мы говорим: «Добрый вечер»,
Лишь глаза необычно горят.

Ближе к ночи слипаются очи,
Я желаю тебе, как добра,
И всегда говорю: «Доброй ночи»,
Да приятного сна до утра.

А на утро ты снова проснешься,
Скажешь: доброе утро, дружок.
И, нечаянно зевнув, улыбнешься.
Вон, играет пастуший рожок.

Это слово прекрасное мудро,
Посылает навстречу судьбе
С пожеланием доброго утра,
Как бы счастья желает тебе!

ПОЧЕТАНИЕ ГОСПОДУ БОГУ

Уплывают года от меня.
И сейчас, перед сном вспоминаю,
Сколько было здоровья, огня.
Что случилось со мною, не знаю.

Был напористый, неутомим,
И не знал, что такое усталость.
Вам, наверно, известно самим?
Так куда же здоровье девалось?

Думал, в старости я отдохну
От забот, повседневной работы.
Да, свободно расслабься, вздохну,
Но, увы, стало больше заботы.

А тут старость, недуг тормозят.
Вот глазами бы сделал все сразу.
Ноги сами собой бороздят,
Не хотят подчиняться приказу.

А при спешке одышка берет,
Поясницу ломить начинает.
Голос внутренний снова орет,
Мол, что будет со мной, он уж знает.

Будь спокоен, в герои не рвись,
Ну а если недуг тебя свалит,
Богу искренне ты помолись,
А Господь уж тебя не оставит.

И теперь, подчиняясь судьбе,
Спать ложась, я молитву читаю,
успокоив волнение в себе.
Да, я Бога теперь почитаю!

Силы нет, видно старости срок.
На душе и тоска, и тревога.
Знать, судьбою начертан мой рок,
Уповать лишь осталось на Бога!

СИРОТСКИЕ ДЕТИ

Посвящается Дню защиты детей

Человек виноват без вины.
За него в сердце боль и тревога.
Вроде мир, и нигде нет войны,
А сиротских детей очень много.

Так откуда берутся они?
Кто же судьбы детей искалечил?
Сколько лет у нас мирные дни,
Кто сиротством детей обеспечил?

Кто теряет и совесть, и честь?
Почему их никто не осудит?
У детей ведь родители есть.
Неужели и дальше так будет?

Дети были всегда на земле,
Как цветы от античного века,
Что сияли, как солнце во мгле,
Обновляя весь мир человека.

Так за что же детей не любить?
Почему их мамы бросают?
Дети все должны счастливы быть!
Разве люди об этом не знают?

Не бросайте, мамыши, детей,
Ведь они, когда вырастут, спросят!
Дети учатся у матерей.
В вашу старость и дети вас бросят!

Это птица, кукушка живет.
Мать природа ее обделила.
Ну а вы-то все люди, народ.
А сиротство дитю, как могила.

Будем помнить об этом всегда:
Дети — это совсем не игрушки.
Не бросайте детей никогда!
Вы же люди, не птицы кукушки!

КОРОТКОЙ СТРОКОЙ

Вступила корова на лед без коньков.
Теперь вот не доят двух задних сосков!

Она растянулась, упала на лед.
Из задних сосков молоко не дает.

По парку бежала собака одна.
Бухих не кусает, пей сразу до дна.

Рыбак на рыбалке бутылку нашел,
И тут поперхнулся, домой не пришел.

Теленок в околке один ночевал.
Не знал он, что волки придут на привал.
На утро хозяйка в околок пошла,
Итам от теленка копыто нашла.

Один горожанин грибы собирал.
Дома пожарил, а поп отпевал.

По городу франт прогуляться пошел,
Домой он к утру в одних плавках пришел.
Путану на улице франт соблазнял.
Видать, с коньяком клофелинчик принял.

Башек паренек в папиресе курил,
Как ангел душой в небеса воспарил.

Мошенникам старец поверил постом,
Теперь он живет под висячим мостом.

Шофер на машине решил лихачнуть.
Гаишники лентой меряют путь.
Лихач тот вписаться не мог в поворот.
На скорой под простынью в морг попадет.

Мальчишки на трассе играют в футбол.
Машины столкнулись! Вот это приколы!

Ребенок со спичками дома играл,
Потом головешки народ собирал.

Девчонка мечтала о славе мирской,
Путаной стала она на Тверской.

Пол литра купили друзья на троих.
Один отказался, не стало двоих.

Мальчик и девочка в прятки играли,
Люк от коллектора видно украли.
Девочка долго в гипсе пробудет,
В прятки больше играть уж не будет!

Содержание

Из глубины веков	6
Из глубины веков 2 (<i>Памяти моей матери, Дьячковой Е.П.</i>)	10
Стукач (<i>Рассказ.</i>)	16
Гадания (<i>сказка</i>)	18
Игрок (<i>Быль</i>)	25
Песня соловья	35
Музей (<i>Посвящается Южинскому сельскому музею</i>)	36
Дед и баба (<i>Сценка</i>)	38
Юбилей (<i>Посвящается Тамаре Беспаловой</i>)	41
Шестьдесят лет (<i>Земнуховой Марии посвящается</i>)	42
День рождения	43
Горящий лес	43
Победа	44
Спасатели (<i>песня</i>)	46
Победить себя (<i>песня</i>)	47
Песня о войне	48
Весенний сев	50
Подвиг врачей	51
Живая природа	53
Патронная сумка	55
Думы о судьбе	59
Холодный май 2009-го года	60
На открытии музея	61
Крыловский воз	62
Центральная библиотека	64
Раз на раз	65
Минтяй	68
Марина (<i>песня</i>)	70
Доброе утро	72
Почитание Господу Богу	73
Сиротские дети	74
Короткой строкой	75

Дьячков
Михаил Иванович

Из глубины веков
Рассказы
Стихотворения